Самсонова Тамара Васильевна

Мое опаленное детство

До войны наша семья из пяти человек (папа, мама, братья Валентин, Иван и я - Тамара) проживала в п. Привальни Городокского района Витебской области.

По первой мобилизации нашего отца на фронт не взяли по инвалидности. А по второй он не успел доехать до военкомата – в город Городок вошли немцы, через месяц после начала войны. Люди не думали, что фашисты будут такими жестокими, но они с первых дней стали убивать и вешать.

В июне 1942 года отец ушел в партизаны, и нам пришлось покинуть свой дом. Помню, когда мы уходили в партизанскую зону, то видели, проходя по дороге, что многие деревни сожжены, а у дорог стояли только русские печи с трубами. Помню, как лежали мы на озере на льду. Был бой между партизанами и немцами, а над нашими головами свистели красные пули и падали у самой головы, из красных превращаясь в серые, попадая в воду. Помню, как мы кричали от испуга: «Ой, мамочка, я боюсь!» - А мама все повторяла: «Только не поднимайте головы!»

В апреле 1943 года нам пришлось прятаться от карателей в лесу. Они шли по лесу цепями с собаками, выгоняли всех из леса и убивали. А мы спрятались под большой упавшей елью, каратели нас не заметили. В лесу еще лежал снег. Дедушка, находившийся с нами, ушел в поселок, но вскоре вернулся, сказав, что фашисты больше никого не убивают, можно идти в поселок.

В поселке Селезни мы переночевали. А утром каратели выгнали всех из домов: «Шнель, шнель!» - кричали. А потом подожгли дома, а нас построили в колонну. Помню, когда загорелись дома, я от страха уткнулась в мамин подол: «Ой, мамочка, мне страшно!» Мы еще тогда не знали, что в марте 1943 года в нашем поселке каратели забрали отцовых братьев с дочерьми: Андрея с 14-летней Ниной и Прокопия с Анной 17-ти лет и Марией 19-ти лет, и еще несколько семей. Загнали всех в сарай, закрыли и сожгли всех живыми. Якобы за связь с партизанами. Сейчас на том месте мемориал, местные власти ухаживают за ним.

Построили нас каратели и повели 40 км до Витебска. Идти было очень тяжело из-за грязной дороги. Мне было 5 лет. Мама часто брала меня на руки. В Витебске нас поместили в лагерь для военнопленных советских солдат. До войны это была войсковая часть, так называемый 5-й полк. Помню, на площади стояли виселицы, а на них – повешенные мужчины.

В Витебске мы пробыли немного. В мае нашу семью (четыре человека) и еще многих загнали в товарные вагоны и отправили в Польшу. Трое суток не открывали двери вагонов. Люди там и оправлялись. А я в дороге заболела корью. Все просила: «Мама, пить!» Наконец, поезд остановился, и мама принесла мне в жестяной баночке водички. Вскоре нас привезли в польский город Люблин. До концлагеря в Майданеке было 3 км. Нас гнали до него и кричали матерям: «Кидайте вы своих детей, они вам больше не понадобятся!» Били, чтобы быстрее шли.

Привели нас в лагерь, приказали разуться и раздеться догола, прогнали через душевую, облив холодной водой, вывели в другие двери и выдали лагерную одежду. Я выжила от болезни, но все, кто заболевал после меня, умерли.

В лагере был распорядок строгий. В 3 ч. ночи нас выгоняли на плац (аппель), поили горячей водой, делали перекличку и до 6 ч. утра мы просто стояли на плацу в любую погоду, в одних платьях и колодках на босу ногу. Потом матерей угоняли на работу, дети оставались на улице до обеда. Затем обедали. Помню, суп какой-то зеленый и кусочек маленького хлеба. С 19 до 21 ч. снова выгоняли на плац, делали перекличку. А потом загоняли в нетопленные бараки. В воскресенье нас не кормили вообще: «Сегодня вы все остаетесь без обеда и без хлеба, т.к. вчера громко разговаривали!» Спрашивали, зачем такое издевательство? Что ж, «карный лагерь», «лагерь смерти».

Весь концлагерь был обнесен колючей проволокой в несколько рядов и по ней пущен ток. А еще каждое поле внутри тоже в один ряд ограждено колючей проволокой, а промежутки между полями посыпали песком, чтобы никто не мог пройти. Вокруг лагеря – вышки, там часовые.

Часто слышу: из лагеря убежали. Только из нашего концлагеря вряд ли кто убежал. Однажды выставили нас всех на плацу. Там лежали одиннадцать человек с распоротыми животами. «Так будет с каждым из вас, кто попытается убежать!» - объявили нам.

Кто-то сочинил песню:

В три часа ночи нас поднимают,

Пьем поллитру горячей воды.

Авзэерки нас бьют и ругают,

А потом на работу спешим.

Жуткий холод рыдать заставляет,

Ведь на нас - только платья одни.

Но сознание напоминает,

Что сейчас весь мир в страшном огне.

Что сейчас плачут братья и сестры,

Плачет мать и родимый отец,

Что бои на войне очень жесткие,

Нашим мукам приходит конец.

Больше мужества, русские девы!

Будьте русскими всюду, везде!

Еще две небольшие потуги,

Прилетит дорогой соловей!

Он откроет ворота, решетки,

Снимет платья в полоску с плечей,

Успокоит сердечные раны,

Вытрет слезы с печальных очей.

Очень многие умерли от холода, голода и болезней. Меня мучил страшный кашель, до рвоты. Мама смотрит на меня жалостливо, а я ей: «Мамочка, ты не думай, я не помру, у меня просто коклюш». Потом мы все переболели тифом.

В ноябре 1943 года всех детей шести лет и старше куда-то увезли, увезли и моих старших братьев. А всех маленьких перевели в польский барак. Там нам выдали чулочки. Полякам было немного лучше – они могли получать письма и посылки. Мама рассказывала, как они говорили: «Вы, русские, - красная банда большевиков! Мы вас ненавидим, мы вас позабиваем!» Но было и другое. Когда у меня появились болячки на ногах, помню, мама пришла ко мне перед сном и спрашивает, почему я чулочки не снимаю, а я ответила, что ножка болит. А когда и на руках появились болячки, мама сказала старшей польке, а дети рассказали, что когда проверяли, я под кровать пряталась – боялась, что сожгут в крематории. Эта польская женщина вылечила меня. Ложилась я в деревянное корыто, наполненное теплой водой с травкой – и через две недели все прошло, лишь белые пятна остались. Маме она сказала, что это от простуды. Плохих народов нет!

Пришла однажды ко мне мама и сказала, что ее отправляют в Германию. Я дала ей буханку хлеба, выданную полячкой. После, при нашей встрече в 1954 году, мама рассказала, когда мы с ней расставались, что будто я и не плакала, но по моим щекам катились крупные слезы. Мама мне наказывала, чтобы я запомнила, где и когда родилась, а я ей: «Ничего, мамочка, может, когда-нибудь мы и встретимся!» - «Встретимся, встретимся!» - повторяла она, а сама думала, что не сегодня-завтра и она, и я помрем. Разве можно пережить такое?!

А потом их построили и повели, а нам закрыли двери и окна, чтобы мы не смотрели.

В марте 1944 года угнали маму и других женщин в немецкий концлагерь «Равенсбрюк». За две недели до их отправки все еврейское население отправили в газовые камеры, а трупы сожгли в крематории.

В «Майданеке» было много заключенных разных национальностей. Поляки отдельно, евреи отдельно, а русские, украинцы, белорусы – вместе. За десять месяцев в «Майданеке» из семнадцати тысяч русских, украинок и белорусок осталось восемьсот женщин – остальные все умерли и сгорели в крематории. Из шестидесяти тысяч мужчин осталось семь или десять человек. Над мужчинами издевались, жестоко избивали. А детей вообще не считали. Ежедневно умирало по двадцать пять-сорок человек. Пеплом сгоревших людей удобряли землю и выращивали на ней овощи: картофель, морковь, брюкву и др. Потом этими овощами кормили нас…

Вскоре и нас куда-то увезли. Говорили, в Германию, но мне кажется, это был польский город Лодзь. Там я встретила своих братьев. Осенью 1944-го года Валентина отправили на работу в Германию, ему было тринадцать лет.

В этом лагере нас кормили лучше. Редко, но водили на прогулку. И в баню водили. Помню, на прогулке - огромное поле красных маков, а еще на опушке леса стояла маленькая сосенка, она цвела, концы веточек были оранжевого цвета! Как сейчас помню, мальчишки ежика поймали! Такое чудо!

Распорядок дня был строгий. Рано утром – подъем, затем - зарядка, завтрак, а потом до обеда маршировали: налево, направо, кругом, шагом марш, ложись, вставай - все на немецком языке. И так ежедневно.

За всяческую провинность наказывали: били розгами, ставили на колени на лавку, посыпанную солью или песком. Помню, как мальчиков связали, положили и избивали кнутом, а нас заставляли смотреть.

В начале апреля 1945 года к городу подошли русские войска. Мы покинули лагерь. Началась бомбежка, стреляли, мы бежали по мостовой, пригнувшись, пули свистели над головами, но никого не задело. Где-то заночевали в подвале. А утром по дороге шли наши танки. Мы выбежали на улицу, ворота распахнулись и вошли во двор наши танкисты! Столько ликования! Какой-то мальчишка крикнул: «Гитлер капут!» Настало долгожданное освобождение наше. Нас накормили, выдали одежду, обувь. Собрали нас всех в актовом зале лагеря, и, помню, запели песню: «Вставай, страна огромная». Моего брата девяти лет определили в госпиталь, в лагере у него заболели глаза – трахома, а меня отправили в г. Петровск Саратовской области в детский дом.

В детдоме я часто болела, частые головные боли, рвота. Болезненно реагировала на всякую обиду. Когда обижалась, глаза застилало белой пеленой, а мне всего лишь было семь-девять лет. Потом все прошло. Часто снилось: гонится немецкий танк за мной, а я не могу бежать…

В детдоме мне выдали свидетельство о рождении, где записали мне все данные неправильно, и дату дня рождения увеличили на два года. В 1952 году меня, как 16-летнюю, отправили на учебу в ФЗО. Потом работала в совхозе полтора года. А в апреле 1954 года меня разыскала мама через Красный крест и всесоюзный розыск. Так мы и встретились с мамой через десять лет. Братья вернулись раньше меня домой.